

The background of the cover is a romantic scene with a man and a woman. The man, in the foreground, has dark hair, blue eyes, and a light beard, wearing a white shirt. The woman, behind him, has long blonde hair and is wearing a blue floral dress. They are positioned against a warm, golden sunset sky.

Ксюша Иванова

СУЖЕНАЯ

Долгий путь к тебе

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Ксюша Иванова

Суженая. Долгий путь к тебе

<https://litres.ru/74212463>

Аннотация

- Пора признать, вашему сыну нужна мать... женщина в доме.
- И ты решила предложить для этой роли себя? И заодно залезть в мою постель? - Боже упаси! Будь вы последним мужчиной на планете, и тогда мне подобное не пришло бы в голову! - Ты уверена? - с усмешкой. - Абсолютно. - Ну-у-у, тогда иди сюда. Ближе. - Зачем это? - Я тебя поцелую. А ты продемонстрируешь, что я тебе безразличен... О том, каким Марат был задолго до встречи с Олей, вы можете узнать из книги "Измена. Любви больше нет"

Содержание

1 глава. Мальчик и его Фей	4
2 глава. Флешбек. Папа тебя любит	11
3 глава. Такова жизнь	17
4 глава.	22
5 глава.	27
6 глава. Злодей Маратыч	32
7 глава. Плюсы и минусы	37
8 глава. Мистер Недовольство	41
9 глава. Возвращение "распущенного извращенца"	45
10 глава. Косячная	49
11 глава. В нашем доме всё спокойно...	53
12 глава. Невезение	58
13 глава. А девочка не так проста	62
14 глава. В ожидании треша	67
15 глава. Неожиданность	71
16 глава. Разборки	76
Конец ознакомительного фрагмента.	80

1 глава. Мальчик и его Фей

-Смотри-смотри-смотри! Ну, Оляка, ну, куда ты смотришь? - Вера обхватывает моё лицо обеими ладонями и поворачивает в нужную ей сторону.

Там, возле небольшой лавки с дорогими серийными коллекционными машинками стоят два человека - мужчина и мальчик лет четырёх.

Вполне обычная картина. Разве что чаще мне приходится видеть мальчиков с мамами, но и папы, которые привели в торговый центр своих сыновей, запредельной редкостью тоже не являются.

Мужчина высок. Коротко пострижен. Одет в джинсы и толстовку с капюшоном.

Так как стоят эти двое к нам спиной, лиц не разглядеть.

Мальчик - в теплом спортивном костюме, белоснежных кроссовках и смешной шапочке с помпоном.

-Ну? - я оборачиваюсь к подруге и требую ответа. - Что я там увидеть-то должна? Давай тесто раскатывай, сейчас офисные на обед попрут.

-О, вот сейчас, смотри!

Стяхнув с рабочих перчаток налипшие кусочки тёртого сыра, я уже раздраженно, оборачиваюсь снова.

Мужчина и мальчик идут по направлению к нашему кафе.

Мой взгляд скользит по мужчине. Красивый. Прямо вот

хоть в кино снимай - лицо такое... породистое, запоминающееся. Высокий лоб с упавшей на него прядкой прямых тёмно-русых волос. Прямой нос. Лёгкая небритость, очень его украшающая. И... О, Боже! Он приблизился настолько, что я смогла разглядеть цвет его глаз! И на контрасте со смуглой кожей и тёмными волосами, светлые глаза смотрятся необычно - холодно, резко! Наверное, поэтому, когда он вскользь касается взглядом меня, чудится, словно к коже притронулось нечто ледяное.

-Красавец, да? - стонет шёпотом мне на ухо Вера.

А я, ошарашенная, даже кивнуть не могу.

-А теперь на сына посмотри! - шепчет она мне, практически не открывая рта, так, что половина звуков превращается в неразбираемую мною кашу.

Я перевожу взгляд на ребёнка и едва сдерживаю испуганный вскрик. Левая сторона его лица сильно деформирована - ярко выраженный шрам тянется от уголка губ через щеку куда-то к виску. Отчего кажется, что мальчик оскалился и то ли улыбается, то ли плачет, то ли и то, и другое одновременно.

-Жу-уть, - шепчет Вера, вцепившись в мой локоть.

Я с трудом отвожу взгляд и принимаюсь сгребать в тарелку потёртый сыр для пиццы.

-Странная ты, Вера, какая-то! Разве можно так пялиться? Как дикарка, ей Богу! Ну, разве ребёнок виноват, что такой уродился!

-Так и что? И посмотреть теперь нельзя! Жуть! - она неожиданно суеверно трижды плюёт через левое плечо и шепчет отрывисто. - Чур! Чур меня!

-Вот подумай, каково человеку идти вот так по центру, если на его ребёнка такие, как ты, пялятся? Фу, такой быть!

-Ой, да ладно! Подумаешь! - обижается подруга и спешит в сторону раздачи к посетителю.

Мужчина и мальчик, между тем, садятся за один из наших столиков.

Мне через окошко, которое ведет из кухни в общий большой холл, слышно, что он что-то спокойно объясняет ребёнку. А тот послушно кивает в ответ.

В кухню заглядывает Вера.

-Иди, обслужи этих! А то я не удержусь и снова "пялиться" буду! - она кивает в сторону новых посетителей.

-Костя, - я кричу одному из наших поваров. - Я в зал! Сыр готов! Забирай!

-Понял-принял, - стандартно отвечает парень. - Спасибо, Олька!

Натягиваю" на лицо дежурную улыбку и выхожу к посетителю.

-Добрый день! Рады приветствовать Вас в нашем "Уютном уголке". Я могу предложить Вам комплексный обед из трёх блюд или наше фирменное...

-Нам картофель, - безапелляционно перебивает меня он. - И потолките его так, чтобы комков не было. Кофе. Без саха-

ра. И апельсиновый сок. В стакане с трубочкой.

-Хорошо. Заказ принят, - всё ещё улыбаюсь я.

-Я надеюсь, его не придётся ждать два часа? - грубо спрашивает он, сканируя меня своим стальным взглядом-рентгеном.

-Стандартное время выполнения заказа пятнадцать минут, - отвечаю я, почему-то не в силах ему возразить и сказать, что вообще-то у нас в меню есть только два вида картофеля - фри и по-деревенски, а вот пюре отродясь не имелось!

Он холодно кивает и, не благодаря, резко разворачивается и уходит у ребёнку.

Хам.

А я ещё переживала, что его расстраивают обращённые к мальчику любопытные взгляды! Да такому безразлично, смотрят на него или нет!

Залетаю на кухню, как будто за мной гонится стало диких бизонов! Дура! Почему не объяснила? Почему не отказала?

-Костя! Нам картошку-пюре заказали! Что делать?

Костина челюсть на мгновение падает вниз, но потом он, как истинный шеф-повар, собирается и выдаёт:

-Что делать, что делать, снимать трусы и бегать! Но это потом, а пока чисти две среднего размера картофелины! Быстро!

На сильном огне мелко порезанная картошка варится, конечно, быстро, но все-таки не за 15 минут. И когда через 25, показавшихся мне вечностью минут, я выхожу в зал с под-

носом, внутри что-то мерзко дрожит и замирает от предчувствия.

Но, к счастью, мужчина разговаривает по телефону.

-Привет! - улыбаюсь следящему за мной мальчику.

Вблизи, если смотреть на здоровую половину его лица, он кажется более симпатичным. И глазки такие смышленные, светлые, очень похожие на отцовские.

Ставлю поднос на стол, а потом по какому-то наитию, абсолютно не контролируя свой поступок, достаю из кармана сделанного из салфетки журавлика. С детства обожаю делать из бумаги всякие-разные фигурки - и вот пальцы сами крутят, когда есть свободная минутка.

И он берёт с таким видом радостным, как будто я ему по меньшей мере вертолёт на пульте управления подарила! С восхищением рассматривает, крутя в руках.

-Нравится?

-Нлавися, - сильно коверкая слово, с трудом произносит он.

Господи, бедный ребёнок! Как же тебе, наверное, тяжело приходится!

-Я сказал, продавать, значит - продавать! - увлечённо выговаривает в трубку его отец, носясь от одного окна к другому и явно не видя меня. - И хватит уже сиськи мять! Ты думаешь, цена на металл в этом месяце потолок пробьёт и ещё вырастет? Поверь мне, не будет этого!

Вздрагиваю, собираясь побыстрее сбежать к себе - вдруг

этот надменный и злой мужчина сейчас обратит на меня внимание, но мальчик вдруг говорит:

- Писать...

- В туалет хочешь?

Кивает.

Ах, ну, писать, так писать.

Пытаюсь сказать его отцу, что отведу ребенка в туалет, но он, обернувшись к окну, отмахивается, не выслушав.

- Сина!

Что это значит? Сильно хочет?

- Сильно нужно писать?

Кивает.

Ну, в конце концов, я сделала всё, что могла, пытаюсь предупредить его отца.

Протягиваю мальчику руку. Он доверчиво вкладывает свою маленькую ладошку и сжимает.

Идем в туалет.

- Как тебя зовут? - поддерживаю "светскую беседу".

- Зенька.

- Евгений, значит?

Кивает.

- А папу твоего как зовут? - мысленно добавляю "кроме главного имени - "хам"?

- Фей, - выдает пацан.

Украдкой оборачиваюсь, едва сдерживая смех. Фей! Аха-ха! Ну, да! Точно. Как иначе-то? Хотя, если уж по мифоло-

гии, внешне он, скорее на эльфа похож - красавчик, а вот поведением точно в орка какого-нибудь удался...

Пацан сам молча делает свои дела в унитаз, пока я стою, отвернувшись, чтобы не смущать и держа дверь, чтобы никто не вошел.

И тут вдруг слышу страшный вопль из зала!

- Женька! - а потом через мгновение. - Куда вы дели моего ребенка?

2 глава. Флешбек. Папа тебя любит

Три с половиной года назад

- Где ребенок? Где Женька, я тебя спрашиваю? - схватив жену за плечи, я в панике трясусь так, что ее растрепанная голова, как у китайского болванчика, бестолково болтается туда-сюда.

- Ну-у-у, - пьяно мычит она, даже не пытаясь вырваться.
- Ост... отстань!

Я понимаю, что Диана, похоже, даже встать не сможет без посторонней помощи! И ей сейчас, в пьном угаре, абсолютно безразлично, где находится наш полторагодовалый сын!

Отпускаю ее. Она тут же сползает по стене на пол. Нажралась до такой степени, что ноги не держут.

- Что ты... Что ты де-е-елаешь? Ты меня... ударил! - начинает рыдать она, прикасаясь к лицу.

У нее, действительно, на щеке синяк. Но я ее не бил. Похоже, сама упала и ударилась, потому что когда я вернулся с работы, нашел ее сидящей на полу у стены в гостиной.

Вслушиваюсь, пытаюсь понять, где находится сын. Но кроме причитаний его матери, не слышу ничего!

В спальне и в детской его точно нет - там я проверил в первую очередь.

- Замолчи! - рычу на нее.

- Что я тебе-е-е сделала? - причитает она, закрывая ладо-

нями лицо.

- Куда ты дела ребенка? - ору, с трудом контролируя себя.

Полгода назад она начала выпивать. Ровно в тот момент, когда моя мать уехала, прекратив сидеть с внуком. Я думал, что когда бабушка прекратит сидеть с ребенком, в Диане, наконец, проснутся материнские чувства и она начнет уделить ему время. Но получилось иначе. Получилось хуже.

Она начала пить, почти полностью забив на него.

Да, я замечал это. Уговаривал. Упрашивал. Угрожал.

Но это не помогало.

Диана не любит сына.

Нет, наверное, имеет смысл, наконец, признаться себе - она ненавидит сына!

Да, вынуждена кормить и менять одежду, но толком она за ним не смотрит даже.

Три недели назад Женька выпал из кровати и рассек себе бровь. Дианы не было рядом, она в этот момент спустилась на первый этаж, чтобы подлить вина.

А месяц назад она заперла его в детской, в манеже, а сама ушла вниз и смотрела на кухне телевизор, плотно закрыв дверь, чтобы не слышать его ора. Когда я вернулся ребенок был посинившим от истерики, мокрым, а она сказала, что вышла минуту назад, устав от его истерик.

Таких случаев было уже немало.

Мне очень хотелось высказать ей всё, что накипело, что рвало на части душу, но сейчас было не до этого!

Оббежав первый этаж и обследовав все уголки, я помчался наверх. Заглядывал под кровати и в шкафы, но Жени нигде не было.

-Женечка! Женька, сынок! Ты где? - кричать слишком громко тоже было нельзя - он и без того имел несколько неврологических диагнозов, и я опасался его слишком напугать.

Но и наверху ребенка не было! И, что совсем уж странно, нигде не было видно разбросанных вещей и игрушек - никакого обычного детского бардака. Как будто здесь и не играл целый день ребенок.

Мне стало страшно.

А что если с ним что-то случилось? А что если... Диана что-то с ним сделала?

Могла она? Да ну, что за мысли? Она же все-таки мать!

Подхожу к лестнице, свешиваюсь вниз, и зову ее. Очень стараюсь, чтобы голос звучал спокойно и не выдавал всю величину моей паники.

- Диан, малыш, давай, сосредоточься! Где Женька? Где он может быть?

Она лежит на полу. И, кажется, засыпает, подложив под щеку ладони.

- Диан!

Ноль реакции.

Собираюсь спуститься, чтобы растолкать ее и просто уже... не знаю, выбить ответ!

Еле слышный шум, даже не шум, а легкий писк, кряхте-

ние, шорох, я улавливаю лишь на мгновение. Занеся ногу над ступенькой, замираю, прислушиваясь.

Тишина. Ни звука.

Кручу головой, пытаюсь понять, откуда доносился звук.

Такое чувство, что сверху. С чердака.

Но что там, на чердаке, может быть? Ну, не летучие же мыши, как в моем детстве, в бабушкином домишке в деревне?

Понимаю, что, наверное, показалось.

Но когда делаю шаг вниз по лестнице, снова на мгновение слышу этот звук.

И он точно доносится с чердака!

Вытаскиваю выдвижную лестницу, ведущую на чердак, и взлетаю туда со скоростью ветра. Подсветив себе фонариком с телефона, осматриваю обширное, заставленное ящиками, пространство. И когда только захлать успели? Живем здесь всего семь лет!

Приходит в голову мысль позвать сына, но я, конечно, понимаю, что это - абсолютный бред! Ну, как полуторагодовалый малыш мог сюда залезть? Это невозможно совершенно! Тем более, что в таком случае, лестница должна была бы быть выдвинута вниз, на второй этаж.

И вдруг мне кажется, что возле смотрового окошка есть какое-то движение!

Цепляясь ногами за углы ящиков, несусь туда.

То, что я вижу, добравшись, шокирует так, что я теряю дар речи. И мне, человеку, сидевшему в тюрьме и имевшему богатое и совсем даже не пуританское прошлое, которого, наверное, добрым ангелом не назвал никто и никогда, становится по-настоящему страшно.

Женька лежит в коробке. Обычной картонной, из магазина. В точно такой же, в каких здесь, на чердаке, хранятся старые, ненужные вещи. Его ротик заклеен скотчем. Ручки просунуты в отверстия для переноски ящика и примотаны тем же желтым скотчем так, что он их ни свести, ни вытащить не может. Ножки в обычных колготочках, а на чердаке, на минуточку, холодно - он толком не прогревается при таких морозах, обмотаны скотчем на манер пеленки. И он может только чуть приподнимать и бить ими по дну коробки.

Он мокрый чуть ли не до самых ушей.

А в глазах ужас!

В глазах полуторагодовалого ребенка ужас!

Разматываю его трясущимися руками. И, сука, слезы текут по лицу!

Как? Как так можно было? За что? Только за то, что он родился не совсем здоровым? Только за то, что у "мисс Москва-2018" Дианы Марининой не может быть ребенка с неидеальной внешностью?

Наш сын стал жертвой обычной рядовой врачебной ошибки во время родов. Разве он в этом виноват?

Осторожно, боясь причинить лишнюю боль отклеиваю с

изуродованного хирургом личика скотч. И малыш заходится в крике. Прижимаю его к себе и несусь вниз, сосредоточившись только на том, чтобы не навернуться вместе с ним с лестницы! Он холодный, как ледышка. И в груди хрипит что-то...

- Маленький мой! Я сейчас. Сейчас. Скорую. Доктора. Всё будет хорошо. Папа тебя любит....

Марат - не ангел. Это такая глыба льда, холодная, суровая. Он натворил нехороших дел в своей жизни, а теперь настала пора расплачиваться за них. Он не верит женщинам. Он не верит в любовь. Он не верит людям, в принципе. О чем будет эта история? О том, что любовь творит чудеса. Больше я ничего не скажу))) Буду рада вашему интересу к новинке и благодарна за комментарии и лайки!

3 глава. Такова жизнь

Договорив с Хмельницким поворачиваюсь к этой нерасторопной девахе, чтобы, наконец, отчитать за то, что несчастную картошку принесли не через пятнадцать, далеко не через пятнадцать, а точно минут через сорок! Но ни ее, ни сына рядом нет.

Холодея от ужаса, обвожу взглядом зал.

Где-то там, за стойкой, в районе кухни, разговаривают сотрудники кафе, а из посетителей, кроме меня, только парочка старичков в дальнем конце зала, у окна.

Куда он мог деться?

От страха меня буквально бросает в жар!

Она вот точно минуту назад была рядом. Эта девчонка в засаленном фартуке и в страшных роговых очках.

А что если она его украла?

- А-а-а! - реву, как дикое животное, едва сдерживаясь от того, чтобы не начать крушить здесь всё на свете. Дикая, запредельная ярость, буквально срывает башню - не уберег! Снова какая-то баба хочет причинить ему боль! Убью! Меня вдруг накрывает тем самым, забытым ощущением, которое пришлось испытать в тот день, когда я нашел его связанным на чердаке - чувством собственного бессилия, собственного ничтожества... И одновременно дикой ярости - потому что я больше никому не позволю так поступать с нами!

Бросаюсь в сторону кухни, по пути опрокидывая поднос с картошкой-пюре на пол.

На звук мне навстречу выбегает вторая продавщица.

- У вас что-то случилось?

Случилось! Естественно, случилось!

- Женька! - кричу я. - Куда вы дели моего ребенка!

Она испуганно показывает рукой в сторону туалетов. И я вижу, как оттуда, почему-то из женского, выходит девчонка-официантка и мой сын. Она ведет его за руку.

Замираю на месте, ловя отходняк и облегчение. Смотрю в ее страшненькое лицо. Совсем обалдела, что ли? Чужих детей воровать!

- Мужчина, не нужно так орать! - она воинственно задирает подбородок и прямо смотрит в глаза. И я вижу, что ей страшно, но, видимо, здравого смысла у нее нет абсолютно, потому что она продолжает. - Вы ребенка испугали своими криками!

- Женя, - зову сына, и он, с явным сожалением, вытаскивает свою ручонку из ее руки и идет ко мне.

Прижимаю к своему боку, ерошу волосы рукой. Фух, всё нормально, всё в порядке. Слава Богу!

- Несите мне книгу жалоб, - хмуро командую ей.

- Да я ничего вам такого не сделала! - возмущается она.

- Наоборот, ребенка в туалет сводила, пока вы по телефону болтали!

- А что у вас тут происходит? - раздается за спиной.

Оборачиваюсь.

- О, Маратик, дорогой, привет! Сколько лет, сколько зим!
- там стоит жена моего приятеля, которому когда-то, в давние времена, мы вместе с Веремьевыми строили этот торговый центр.

Лаура выглядит шикарно. Строгий брючный костюм, дорогушая сумка из питона, длинные волосы, волосок к волоску... И лицо такое, словно не прошло... Сколько там? Лет восемь с нашей последней встречи? Молодое, ухоженное, очень красивое.

- Лаура? Неожиданно, - выдаю я.

- Что тут у вас стряслось? - изображает на лице крайнюю степень сочувствия и заинтересованности, а глаза холодно скользят с меня на официантку, с нее на Женьку. С интересом жду реакцию на сына.

Меня давно уже не ранит она. Да, раньше ранила. Как пацана пробивало, когда люди пугались, увидев его лицо. А еще больше, когда на их лицах появлялась брезгливость. У меня почти не осталось друзей. Потому что рано или поздно кто-нибудь из них самих, или из их окружения выдавал такую фразу: "Блять, ну, сделай с ним что-нибудь уже - операцию там, косметологию какую-то. Ну, как пацану жить с такой уродской внешностью?" И после этого я исключал этих людей всем скопом из списка контактов.

Лаура умеет "держатъ лицо" - только на мгновение в глазах мелькает ужас, но потом она берет себя в руки и говорит:

- Это твой сын? Слышала, ты растишь его один? Восхищаюсь такими мужчинами, которые способны сами справляться со своими детьми! Моему Максику до тебя далеко! - снисходительно улыбается Женьке. Но тот на нее не обращает внимание - переглядывается с официанткой. И я ловлю вдруг фоном эти их гляделки. И то, как она ему лукаво подмигивает, и то, как он смущается, но все равно с любопытством и каким-то восхищением, что ли, пялится на девчонку. - Так все-таки, что случилось?

- Лаура Вениаминовна, тут произошло недоразумение, честное слово! - изобразив на лице крайнюю степень раскаяния, официантка складывает руки в молитвенном жесте и шагает к ней навстречу.

Лаура встречает ее брезгливым взглядом. Смотрит свысока, как на уродливую гусеницу, словно бы впервые увидев, что подобные водятся в природе.

- Я разве с тобой разговаривала? Иди, работай давай! - высокомерно кривя губы, бросает ей.

Девчонка, опустив плечи, уходит, напоследок бросив на меня молящий взгляд.

Нет, ну, не надо было чужого ребенка трогать!

Но злость и ужас меня уже начали отпускать, поэтому я совершенно не собираюсь раздувать скандал. Тем более при ребенке.

- Да ничего не случилось. Так, недоразумение просто. Мы уже всё решили. Спасибо, что проявила заинтересованность.

Нам пора уже, - подталкиваю Женьку к нашим вещам, оставшимся на стульях за столиком. - Мужу привет передавай.

Уходим с сыном. Я спиной чувствую взгляд Лауры - так и стоит посередине кафе, глядя нам с сыном вслед.

Да, когда-то ее муж упрашивал меня заняться его проектом. И был о-очень благодарен, когда я принял предложение. А сейчас... Сейчас я превратился в наглядное пособие, рассказывающее о том, что может случиться с удачливым бизнесменом в случае неудачи. А мои бывшие друзья... они еще помнят мое имя, но, я уверен, если и произносят его между собой, то произносят насмешливо и удовлетворенно... Нет, я не обанкротился вконец, но от былой империи Мельникова остались лишь ошметки, не дающие нам с сыном сдохнуть с голоду.

Вот такая вот херня...

4 глава.

- А когда бабушка приедет? - спрашивает сын, пока я ставлю ему градусник.

Бабушка больше не приедет никогда. В прошлом месяце у матери случился инсульт. Неожиданно, ничего не предвещало совсем. Она уехала к себе, в Казань, ненадолго - занималась продажей квартиры, дачи. Собиралась к нам с Женькой насовсем перебираться - смысл было держать имущество там, если после ухода Дианы, все равно жила с нами? Мне позвонила ее двоюродная сестра, моя тетка. Сказала, что мать в тяжелом состоянии в больнице.

Пришлось Женьку оставить с соседкой - многодетная мать Алёна, жившая этажом выше, была с нашей бабушкой дружна - вместе выгуливали детей на детской площадке. Я ей, конечно, щедро заплатил за присмотр...

Слетал. Живой уже не застал. Похоронил. Квартиру сдал в риелторскую контору для продажи. Дачу - маленький домишко с пятью сотками земли в глухой деревне за сто км от Казани просто подарил тетке, с условием, что будет за могилами отца и матери ухаживать, пока будут силы на это.

Женьке малодушно рассказать об этом не смог.

У него и так слишком мало близких людей. Ну, точнее, теперь вот получается, что только я один... Потом скажу, когда он чуть подзабудет бабушку, чтобы не так больно было.

- Она задержится еще на месяцок. Трудности у нее с продажей квартиры - не может найти покупателя, - вру я.

- Почему она не звонит мне? - кивает на мой телефон, лежащий на столе.

Ну, давай, Мельников, выкручивайся теперь - одно вранье обязательно тянет за собой другое...

- Потому что... ну-у-у-у, - достаю градусник, смотрю. Ну, ни фиги себе! 38 и 6! - Ну, брат ты даешь! Ну, где ты умудрился ангину подхватить, а? Ну, ёлки! Снова придется няню через агентство нанимать!

А там вечные проблемы - то цены аховские, то подходящих нормальных баб нет - подсовывают каких-нибудь девчонок сопливых...

- Улаааа! - кричит сын, имитируя танцевальный движения, при этом лежа на спине в кровати.

- И чему ты радуешься? - копаюсь в огромном чемодане с лекарствами - мать его всегда в порядке содержала, а я за месяц ее отсутствия умудрился так захламить и поперепутать всё, что жаропонижающее найти не могу.

- В саду меня обизают. Особенно Збигнев. Делётся. Говорит, что я плохо говолю и стлашный, как смелтный глех.

И кто бы знал, как мне хочется урыть малолетнего Збигнева! А заодно и его лысого пузатого папашку, который не научил сына быть нормальным человеком! Вот просто окажись эти двое сейчас передо мной, я бы им шеи бы посворачивал!

- Ты не страшный. Когда ты немного подрастешь, доктор

сделает тебе операцию и уберет шрам. И ты станешь самым красивым мальчиком в группе.

На самом деле, если это и случится, то случится не скоро. Потому что у Женьки большое сердце и ему противопоказан наркоз. Есть, конечно, вероятность, что со временем нарушения ритма сердца как-то сами... либо выявят причину, отчего происходят, либо исчезнут совсем. Так, во всяком случае, объясняли мне врачи.

Он, не дослушав меня, залипает на мультике, транслирующемся по телеку, закрепленному на противоположной от кровати стене.

Смотрю на него. Ну, разве он страшный? Он милый, симпатичный, ну, чуть деформировано лицо, ну, шрам этот... Но!

- Сынок! - зову его, оборачивается ко мне с улыбкой. - Ты только знай, что я тебя очень люблю. Любого...

Я это часто ему говорю. Потому что кто ему скажет-то еще? Некому больше.

Я это так редко говорил в жизни раньше - матери там, бабам своим... Дианке не говорил никогда. Вике... Было, да. Вику я любил. Вика бы никогда не стала ненавидеть своего ребенка. Но когда я жил с Викой, я был совершенно другим человеком. Той еще тварью был. И, конечно, заслужил ее уход к другому...

- Жень, мне надо в аптеку круглосуточную сгонять. У нас таблетки от температуры, кажется, кончились!

- Я с тобой, - соскакивает с кровати. Ёжится, видимо, его морозит.

- Слушай, ну, побудь дома, а? Пожалуйста! Я ж мигом! Тут десять минут всего.

Но он боится оставаться один. Он много чего боится - неудивительно после той его детской травмы. И хоть психологи говорят, что травма была получена в слишком раннем возрасте, чтобы оставить такой глубокий след в его психике, я уверен в обратном. Оставила.

Собираю его. Собираюсь сам.

Приходится ехать на машине, чтобы его не морозить лишний раз. Хотя я сам бы проще пешком до аптеки добежал - в снегопад попробуй еще припарковаться на нечищенных улицах.

Едем в аптеку.

Остаться в машине наотрез отказывается. Идем вдвоем внутрь. С тоской вспоминаю о том, что няню-то я на завтра еще не искал, а в агентство это после 10 вечера можно уже не звонить - поздно, не возьмут. А у меня в девять утра важная встреча. И я никак не могу ее пропустить. Успею ли завтра найти няньку ему? А если станет хуже, то ведь и к доктору надо как-то свозить его...

Открываю дверь. Сначала раздается приветственный радостный звон колокольчика, потом дверь с размаху бьется о ведро. Ведро наклоняется, часть воды расплескивается на пол.

- Ну, ёлки! Что за растяпа! - раздаётся раздраженный женский голос из-за двери.

Заглядываю туда - какая-то тетка, спиной ко мне раздосадованно разводит руками, глядя на огромную лужу на полу.

- Ну, вы тоже хороши, - возвращаю ей "комплимент". - Додумались за дверью ведро с водой оставить!

- Да я на минуту только отвернулась! В такое время... - она поворачивается ко мне, и я узнаю ту самую девушку, которая в кафе чуть Женьку не украла. - О, снова вы...

5 глава.

- Леля, плывет! - радостно кричит сын, оббегает меня и бросается к ней. Обнимает за талию, прямо за черный, безразмерный и, кажется, местами, дырявый от времени халат, в который она укутана. Она его не обнимает в ответ. Наоборот, поднимает вверх руки в огромных, похожих на краги, резиновых перчатках. Но улыбается. Так радостно улыбается, словно увидела не моего сына, а заморского красавца-принца.

- Женька! Привет, дружище! А ты чего к нам на ночь-то глядя? - засыпает его вопросами, заглядывая в глаза. - Никак заболел? Или за Гематогеном наведалься? Любишь, кстати?

- Неа, в нем зубы застреют, - качает головой он, наконец, отлипая от нее.

- Я тоже не люблю. Потому что знаешь из чего его делают?

- Из чего?

- Из бычьей крови! Прикинь? Я им что, вампир, чтобы кровь пить?

Слушаю этот бред, выпучив глаза. Чокнутая какая-то! Что несет-то? Пятилетнему ребенку такое рассказывать! Но он хохочет и смотрит на нее чуть ли не восхищенно. Дети - ну, что с них взять?

- Жень, я к кассе, - киваю ему на провизора, раскладывающего лекарства по ящичкам в шкафу у кассы.

Слышу, как они переговариваются у двери. Женька редко так проникается к чужим людям с первой встречи. Да и, если честно, новых людей, ну, кроме детского сада, конечно, он видит достаточно редко - мы ни с кем не дружим, ни к кому не ходим в гости.

Покупаю жаропонижающее, пластинки для рассасывания от горла, спрей в нос. Подумав, прошу принести мне еще какую-нибудь траву, чтобы заварить и горло полоскать.

Оборачиваюсь.

Она сидит перед ним на корточках.

Платок, завязанный на голове, как у старухи, придает ей возраста. И она мне уже не кажется такой уж молодой девчонкой, какой казалась там, в кафе. Он доверчиво положил ей на плечи руки. Смотрят друг другу в глаза. Серьезные.

Подхожу ближе.

- Жень, - зову его. Он дергается, но даже не поворачивает голову ко мне.

- Терпи, - шепчет она. - Не моргай! Держись!

Что за...

Он моргает и расстроенно топает ногой.

- Не смог!

- Да ты не расстраивайся! Просто я - чемпион города по гляделкам! У меня пока еще никто не выигрывал. Но ты был очень близок к победе!

Хм... Ну, странная! С придурию девка...

- Мне пола уже, - расстроенно говорит сын.

- Выздоровливай и никогда больше не болей! - она целует его в щеку, как родного, поднимается, и, даже не взглянув на меня, не кивнув, не извинившись, хватает ведро и уходит в подсобку.

Идем в машину.

Меня так и подмывает обсудить с ребенком его новую знакомую. И я, конечно, понимаю, что это как-то... ну, некрасиво что ли. Но в глубине души я поражен поведением девушки. Особенно этим вот нелепым поцелуем. Зачем она? С чего вдруг?

Женька молчит. Не тараторит без остановки, как после того происшествия в кафе - там он рассказал мне, какая его новая знакомая замечательная. И что она умеет из бумажек фигурки делать, и что у нее котенок дома есть, и что ее Лёлей зовут - что за имя такое дурацкое? А сегодня молчит.

- Жень, ты чего? - возле машины присаживаюсь перед ним на корточки.

Пожимает плечами, опуская взгляд.

- Ты расстроился, что ли?

Кивает.

Хмурится, но молчит.

- Ну, ладно, колись уже. Чего такой хмурый? - сверху на нас падают снежинки. Красиво. Фонарь возле аптеки заставляет снег искриться. Ветра нет. На улице ни души.

- Лёля сейчас к своей девочке пойдет, - вдруг говорит с завистью. И, вывернувшись из-под моей руки, идет к машине.

Ну, и что? Ну, логично - отработала и домой пошла, что тут такого? Надо же, и когда она успела ему о дочке рассказать? Надо же... у такой пигалицы дочка есть?

- И что? - спрашиваю, садясь в машину.

- Она веселая. И доблая...

Ну, ладно, стоит признать, это я заметил. И с детьми эта девушка умеет, тут не поспоришь.

- И что? - спрашиваю, как заевшая пластинка.

В моей голове мелькает странная, неуместная мысль - а чего это она не в кафе? Работу поменяла? Лучше уж в кафе, как по мне, чем полы мыть!

- Давай ее к себе забелем? - спрашивает с надеждой.

- В каком смысле? - шокируюсь я. Что за странные заявления? Как так забрать? Засунуть в машину и в качестве игрушки привезти? Фу, бред какой-то в голову лезет.

- Няней, - поясняет сын.

Завожу машину, отмахиваясь - ну, что за глупые идеи! С какой, в конце концов, стати?

В эту минуту она выходит из аптеки. В коротенькой, явно тонкой, не по погоде, курточке. В больших, мощных ботинках. Тоненькие ножки в джинсиках. Натягивает на голову капюшон и, ежась от холода быстро идет вдоль улицы по тротуару в ту же сторону, куда надо ехать и нам.

Тяжело вздыхаю, ловя молящий взгляд молчащего сына в зеркале. Ну, вот только этого мне не хватало!

- Ну, пап! - просит он, не озвучивая просьбу.

Ладно. Так и быть.

Догоняю. Притормаживаю. Открываю окно.

- Девушка!

Даже головы не поворачивает в мою сторону. Только поправляет под капюшоном очки. И, прикрыв их ладошкой от снега, на манер козырька, ускоряется.

- Да, блин, как там тебя! Лёля! - последнее слово произносим одновременно с сыном.

Она резко останавливается. Я тоже быю по тормозам.

- Я - Ольга вообще-то!

- Ну, пусть будет Ольга, - хмурюсь я. Мне-то какая разница. - Садитесь, мы с сыном вас подвезем.

6 глава. Злодей Маратыч

Хочется, конечно, гордо задрать вверх подбородок и продефилировать мимо. Но так-то во-первых, я только вышла из аптеки, но уже успела замерзнуть, а идти еще далеко. А во-вторых, я и так из-за этого надменного вредного мужика потеряла работу! Так что он - мой должник! Пусть хотя бы доведет.

Ну, и самое обидное - "продефилировать" это не про меня. Я, скорее, из тех, кто ноги в руки, скукожилась, согнулась вся и полетела.

А в машине тепло. Очки в ту же секунду запотевают. Меня моментально размаривает. А тут ещё я устала жутко - целый день на ногах. Хочется откинуться на сиденье, закрыть глаза и... вдыхать, вдыхать приятный запах... Чем пахнет, кстати? Отдушками этими машинными, кожей, которой обшиты сиденья, и мужским парфюмом... Так приятно, что пальцы поджигаются в сапогах. Впрочем, вполне возможно, что поджигаются они не от приятного запаха, а от того, что сапоги осенние, а на улице мороз градусов двадцать.

- Скажите мне, Ольга, - абсолютно спокойно, без всяких эмоций поглядывая на меня, говорит отец Женьки. - Вы решили сменить работу в кафе на... более презентабельную?

Классный стёб. Просто сто баллов!

- Да, решила. Не смогла там больше оставаться после на-

шей предыдущей встречи.

- А что так? - он презрительно вскидывает вверх бровь.

- Лаура Витаминовна попросила меня освободить прекрасную должность официантки в том великолепном кафе за то, что я, видите ли, не умею работать с клиентами. То есть с вами.

- Да-а-а? - на его лице, наконец, мелькают эмоции. Но в полутьме салона мне почему-то кажется, что вовсе не сочувствие там отражается, вовсе не сочувствие. - О, ну... Тогда вы, наверное, свободны завтра днем? Или снова пойдете полы мыть?

Это прозвучало как-то оскорбительно, честное слово! Как будто мыть полы для меня - верх мечты!

- А вам-то что до этого? Или, обижая других, вы получаете некое извращенное удовольствие?

- Хм, - усмехается он. - Ну, предположим, извращенное удовольствие я получаю от некоторых других вещей.

- Чш-ш, тут ребенок!

Оглядываюсь назад на притихшего мальчика - он спокойно спит, свернувшись на сиденье.

- Я имел в виду - вкусный ужин, хорошее вино, горячая ванна, а вовсе не то, о чем вы подумали.

- О, Боже! Да вы сами на это намекали!

- Я? Это каким словом? "Извращенное"? Или "удовольствие"? Тогда позвольте вам напомнить, Ольга, что их сочетание первой произнесли именно вы, а не я!

- Да я... Да, блин!

Но крыть мне особо нечем. И я проглатываю возмущение.

Хотя безумно хочется выдать ему что-то такое же изящное и обидное! Но в голове до ужаса пусто и стыдно...

Как там сын его называл? Фей? Да какой он Фей? Он, скорее, Злодей! Самый настоящий!

Сгорая от смущения, я смотрю в окно на заснеженные улицы, на ярко освещенные витрины магазинов, на окна ресторанов, затемненные снаружи, но, конечно, мягко и дорого освещённые внутри. Я в ресторане и не была никогда... А вот этот человек, наверное, бывал. И бывает. И, конечно, ему смешно, что есть люди, которые не могут себе позволить!

А что я сделаю, если учёба в институте обходится дорого, даже несмотря на бюджетное место? Что я сделаю, если мои родители живут в далёкой Богом забытой деревушке и зарабатывают три копейки? Вот и перевелась на заочку, работать устроилась - кручусь, как могу. В универе общаги нет, за квартиру платить приходится...

Ход моих, до жути жалостливых к себе самой мыслей прерывает отец Жени.

-А вам, кстати, куда?

О, мамочки! Задумавшись, я вообще не обратила внимания, что мы уже, оказывается, проехали мой дом!

-Вот! Вот здесь остановите, пожалуйста! - показываю пальцем в сторону ближайшего тротуара.

Он тут же сворачивает и паркуется.

-Спасибо, - бросаю я, берясь за ручку.

-Стоп! - вдруг командует он.

-Да что вы себе позволяете? Командует тут! - выхожу из себя. Потому что, вообще-то, я ему абсолютно ничего не обязана! А за то, что подвёз, я уже сказала спасибо!

-Хотел вам работу предложить. Более презентабельную. Но вижу, психованная вы, Ольга, какая-то. Из себя по поводу и без выходите.

Мыть полы в аптеке - то ещё удовольствие. Денег мизер, работы - вагон, и времени тратится куча. А без диплома меня вообще никуда не берут больше! Да и сессия скоро, готовиться нужно!

Приходится сменить гнев на милость, пусть и в ущерб своей гордости, и спросить:

-Какую работу?

-С Женькой посидеть завтра. У меня аврал на работе. Я заплачу столько, сколько няньки из агентства в среднем берут. Ну, скажем, с семи утра до пяти вечера - четыре тысячи.

В моей голове моментально сработал примитивный, но точный калькулятор.

Вечером я ещё в аптеку успею. Там за вечер мне платят триста рублей. Оу, неплохо. А Женька - парень классный, в с ним в удовольствие посидеть. Правда, отца его век бы не видела, но ради денег придётся потерпеть. Тем более, что он будет на работе.

-Я согласна.

-Даже не сомневался. Дзержинского, 4, квартира 16. В семь утра. И не опаздывать.

-И мне приятно познакомиться, - скорчила я рожу, когда захлопнула дверцу в машину. Злостный Фей! Гадкий какой! Командует! Насмехается! Усядутся в свои тачки дорогие и думают, что им всё можно! Как его хоть там Лаура называла? Марат, кажется? Злодей Маратыч будет...

7 глава. Плюсы и минусы

Девчонка не опоздывает.

Без десяти 7 осторожно скребется в двери. За что мысленно в короткий список её достоинств я вношу второй плюсик - сообразительная, догадалась, что звонком может разбудить ребёнка.

Первый её несомненный плюс это, конечно, умение ладить с детьми.

Но плюс тут же компенсировался мысленным минусом - слепая, как крот! В своих запотевших очках она вошла из подъезда в квартиру, выставив в стороны руки, видимо, чтобы не наткнуться на стены.

Ну, и тут же добавился ещё один минус. Не знаю уж, с чего я вдруг подумал об этом. Ей бы хоть немного поухаживать за собой - волосы там постричь, уложить красиво, бровям придать нормальную форму, губы потрескались, не накрашенная... Очки эти ещё... Жуть, в общем. Страшненькая. Впрочем, с чего я на это внимание-то обращаю? Главное, чтобы за ребёнком хорошо смотрела.

Наскоро показав ей квартиру, объяснив, чем и как лечить сына, говорю свою коронную фразу, которую слышат все няньки непременно:

-И учтите, в квартире установлено несколько камер. Чтобы отслеживать, не посмеете ли вы поднять руку на ребёнка.

-Что? Да как вы смеете! - моментально вспыхивает она.

"Вспыльчивая" - тут же в столбик с недостатками я мысленно вписываю ещё одно.

-Я пошутил.

Хотя, конечно же, нет. Учитывая ту историю с Дианой, раз уж родная мать смогла так поступить с ребенком, то чего ожидать от приходящей няньки? Но пусть думает, сомневается и побаивается, а то они все выглядят сначала, как Мэри Поппинс, а потом становятся злобными горгульями, которых ребёнок боится.

-Шутник, блин...

Мне кажется, что она шепчет именно это себе под нос, когда уходит из прихожей в сторону кухни. Но я решаю не акцентировать. Хотя очень хочется сказать ей, что я, на минуточку, работодатель, а субординацию ещё никто не отменял. Не акцентирую потому, что вовремя вспоминаю - у меня выбора-то особо нет, потому что до работы по нечищенным улицам ещё минут сорок добираться. Я так и опоздать могу...

...В моем маленьком баре утром посетителей практически нет. Только Серёгин сидит за дальним столиком у окна. Попивает кофе, презрительно осматриваясь.

Да, я знаю-знаю, что тут пора делать ремонт. И не просто ремонт, а концепцию сменить. Мне просто не за что. Поэтому ты, Серёгин, и приглашён сюда на утреннюю чашечку кофе.

И мне сейчас нужно как-то попытаться забыть наш прежний стиль общения, забыть на собственные амбиции и просить... А просить у того, кому когда-то давал с барского плеча в долг и потом с апломбом забирал с процентами, ой, как не просто.

Пожимаем друг другу руки.

Серёгин поднялся. Это видно сразу. Неплохой костюм. На запястье - Rado. Ну, уже кое-что, хотя я сам раньше носил часы на порядок дороже.

-Как дела, Марат? - приторно улыбается он, а глаза холодно рассматривают стену за моей спиной. Мне не нужно даже оборачиваться, я знаю, что там привлекло его внимание. Вчера один посетитель перебрал и в пьяном угаре швырнул в стену пустую бутылку. И разбил две рамы со стилизованными под старинные почтовые открытки, панно. Панно пришлось снять. На выгоревшей стене зияют "два тёмных глаза" от мест, где они были.

-Неплохо идут дела, Радик. Но я знаю, как сделать так, чтобы они шли ещё лучше. И в этом мне понадобится твоя помощь.

И потом начинаются пляски с бубнами. Он объясняет мне, почему не может дать денег. Я объясняю ему, сколько он сможет заработать при самом лучшем для меня раскладе.

В конце он, естественно, соглашается (иначе бы просто не пришёл), но "убивает" меня фразой:

-Но раз уж у тебя будет новая концепция, ты мне скинь,

будь добр, на почту послезавтра её описание с наглядными изображениями.

О, бл... Вообще-то, концепция есть только в моей голове. А дизайнеру ещё платить надо. А нечем. И мне бы сначала транш от Серёгина, а потом концепцию... А надо, получается с точностью до наоборот.

Но, естественно, истинное положение дел остаётся за кадром. Я клятвенно обещаю прислать всё послезавтра. Киваю Марго, своей официантке, чтобы несла ему ланч и лучший кофе, на какой только способна.

И откланиваюсь на минуту.

Когда Женька не со мной, я всегда немного на взводе. Я никому не доверяю.

А потому смотрю по камерам, всё ли в порядке.

В гостиной вижу прекрасную картину - сидят рядышком за столом и что мастерят из бумаги. При этом, хоть слов и не разобрать, негромко переговариваются и время от времени смеются.

Всё в норме. Ладно.

Можно спокойно работать.

Но когда вечером я возвращаюсь домой, я не узнаю свою квартиру...

8 глава. Мистер Недовольство

- Ольга, объясните мне, кто вам позволил вот это всё здесь делать? - спрашивает Мистер Недовольство.

Ну, до чего же отвратительный тип! Нет, чтобы порадоваться, что ребёнок был весь день занят, мастерил со мной гирлянды, украшал комнаты, он смотрит так, как будто в доме бардак, а мы часами пялились в телевизор!

- Скоро Новый год, - вздохнув, поясняю ему.

- Так. И что?

- И нужно украшать дом.

- Кто сказал?

- Дед Мороз, - закатываю глаза.

Больше в этом доме это сказать точно некому. Я очень стараюсь сдержаться, но никогда не отличалась особым терпением, вот и сейчас уже на грани, на волоске от того, чтобы высказать этому надменному мужлану всё, что думаю. А думаю я о нём. И думаю плохо.

- Это - мой дом. Вы должны были спросить у меня разрешения, - с отвращением рассматривает наши бумажные, ярко раскрашенные флажки, на натянутой под потолком веревке.

И моё терпение лопается, как мыльный пузырь.

- Это ещё и дом вашего ребёнка. А у ребёнка должна быть вера в сказку, в чудо, надежда на светлое будущее!

- И они, конечно, появляются благодаря куче бумажек, варварски развешенных по дому?

- Папа! - из спальни прибегает Женька и кидается в объятия отцу.

Вот же несостыковка.

Когда Злодей Маратович смотрит на сына... он совсем немного перестаёт быть злодеем. И на мгновение в него вселяется тот красавец-мужчина, которого я впервые увидела в кафе несколько дней назад. И я снова, открыв рот от восхищения, рассматриваю его голливудскую улыбку, правильные черты лица... его чёткие, выверенные движения... То, как он ласково прижимает к себе сына, как целует в изуродованную щечку. И я почти готова ему простить его грубость и надменность. И вообще всё простить... Только кому здесь нужно мое прощение?

- Не смею вас задерживать. Завтра в то же время.

Со всего маху шмякаюсь с небес о грешную землю.

А-а-а, нет! Надменность и вот эти барские замашки я ему не прощаю!

Собираюсь. Одеваюсь.

- Пап, - доносится из кухни. - А плавда у нас тепель класиво?

- Правда, - ворчит Злодей Маратович.

Ага! Как мне тут недовольство своё демонстрировать, так он смелый! А как ребёнку сказать честно то, что думает, так не может! Мужчины...

Берусь за ручку двери.

Нет, я понимаю, что я здесь просто наёмный сотрудник, но...

Такое чувство странное... Вот они вдвоём. Они вместе. Папа вернулся, и ни одному, ни другому больше не нужны окружающие. У них семья. Пусть такая себе семья - не полная, не совсем нормальная. Но всё же, всё же... Семья! А я одна... И кроме Дочки никто меня не ждёт. Ну, может, Вера еще. Но у подруги есть парень, она в последнее время нечасто ночует в нашей съемной квартире. Чаще пропадает у него. Глядишь, скоро замуж выскочит...

И мне так одиноко становится, так обидно, что хоть плачь!

Иду к выходу. На душе тоскливо. И хочется одновременно и побыстрее уйти, чтобы не смотреть на Женьку и его отца и не завидовать, и остаться... да, остаться, потому что... Я не успеваю додумать эту мысль:

-Лёля! - вдруг сбоку врзается Женька. - Плиходи завтла! Придёшь? И дочку свою пливоди! Поиграем!

-У папы нужно спросить про Дочку. Вдруг не разрешит?

Поднимаю глаза. Мистер Недовольство с недовольным видом стоит, сложа руки на груди. Смотрит на меня, как на таракана. Ждёт, когда уползу под плинтус?

Про Дочку у меня духу не хватает спросить.

- Ладно, не скучай тут без меня, - наклоняюсь и на ухо ему шепчу. - Корми отца ужином.

А мне, пожалуй, пора. Потому что кто его знает, как он

отреагирует на то, что я копалась в его холодильнике и даже готовила из его продуктов?

Ухожу.

На пороге встречает Дочка. Трется об ноги, пока разуваясь, - выпрашивает нежности. Глажу шелковую шерстку.

- Привет, моя хорошая... Соскучилась?

- Олька! - радостно кричит из кухни Вера. - Давай быстрее! Я суп сварила.

И я жадно съедаю суп. У Злодеевича не могла - одно дело приготовить для Женьки. Другое - съесть самой. От хозяйки-то на этот счет указаний не было, вдруг был бы против.

- Ну, рассказывай! Как прошел первый день? - Вера стограет от любопытства. С чашкой чая придвигается ближе.

- Ну-у-у, как тебе сказать? До прихода хозяина всё было очень здорово...

9 глава. Возвращение "распущенного извращенца"

Нет, это не странно, что я всё время думаю о сыне. Я и раньше постоянно держал в мозгу мысль - где он, что с ним, как он. Но сейчас к этому добавился и некий интерес. Теперь мне хочется раскусить женщину, так нагло втершуюся в доверие к Женьке.

О, у неё это отлично получилось! А по собственному опыту я знаю, что хорошо относиться к чужому ребёнку могут единицы, да и то за немалые деньги, да и то по необходимости.

Она от меня пока денег не получила. Хотя надо бы заплатить...

А вот Женька без ума. Весь вечер только о ней тархтел. Засыпая, спрашивал, можно ли Лёля придёт завтра с дочкой. Нет, дочку я разрешить не смог - отговорился Женькиной болезнью, и тем, что он может быть заразен. Но, по сути, просто не хотел, чтобы она оккупировала мою квартиру окончательно. Ведь и так без разрешения творит, что хочет! Вот обвешала все комнаты бумажками. А убирать это кто будет?

И я решаю застать её врасплох!

Я так со всеми няньками делал! Приходишь с работы чуть

пораньше... И вуаля! Одна в документах роется, вторая такой бардак устроила, словно Армагеддон близок.

Тихонько, своим ключом, открываю входную дверь.

В квартире тишина.

Бесшумно разуваюсь, кладу на тумбочку в прихожей сумку с документами и на цыпочках иду внутрь.

Они в обнимку спят на диване.

От вида этой картины почему-то противно зудит под ложечкой. Сердце пропускает удар. Бедный пацан, ему женского тепла не хватает. А эта... Девчонка эта так запросто, словно так и должно быть, делится вот этим своим теплом с чужим ребёнком.

Нет, няньки попадались нам разные! За эти годы я, научился читать людей. Были заботливые тётушки, были бабульки - божьи одуванчики, которые в меру сил и здоровья хорошо относились к моему сыну. Но...

Ни одна из них не спала с ним в обнимку на моём диване.

Игрушки разбросаны по полу. С обеих сторон от овального ковра в центре комнаты - по башне из кубиков. На импровизированных крепостных стенах расставлены солдатики. На ковре лежит поверженный враг - расстрелянный игрушечными копьями из спичек (разве можно спички детям?) плюшевый медведь.

На журнальном столике рисунки - куча котов и кошек, очень даже неплохо нарисованных и варварски раскрашенных детской рукой.

Подхожу ближе. У Женькиного изголовья, зажатая рукой девчонки, примостилась книжка. "Бременские музыканты" - любимая сказка сына.

Читали и уснули.

Ее очки лежат на книжке сверху.

А без очков она...

У нее и ресницы есть, оказывается. Просто они светлые - теплого пшеничного цвета. А под толстыми стеклами толком ни ресниц, ни глаз не разглядеть.

И брови есть. Тоненькие, красивой формы. А их, похоже, за уродливой оправой не видно было.

А губы у нее... Бля... Как давно я не видел так оглушающе близко чувственные, пухлые девичьи губы? В таких глубоких бороздках... перетяжечках. Они чуть приоткрыты во сне. И я так отчетливо, так ярко вдруг представляю себе, как эти губки растягиваются, обхватывая головку моего члена, как я погружаюсь в горячую влагу ее рта, как язычок, пошло извиваясь, дразнит уздечку, что меня буквально кипятком обваривает ударившей в пах волной возбуждения!

Как чумной делаю спасительный шаг назад, с ужасом оглядывая собственную гостиную. И такое ощущение, что совершенно ничего не вижу! Взгляд так и тянется обратно к губам девчонки!

Вот до чего длительное воздержание доводит, Мельников! Ты уже готов накинуться на девчонку-официантку из кафе, которой на вид лет восемнадцать.

Распущенный извращенец где-то внутри меня насмешливо подсказывает, что у этой официантки уже есть дочка, поэтому морочиться с неопытной девочкой в данном случае не придется. А отсутствие у нее денег видно невооруженным взглядом. Отсюда делаем вывод - немного доплатить к гононару няньки и какой-никакой секс мне обеспечен!

Член каменеет, до боли упираясь в тугие брюки. А-а-а-а! А что если реально ей это предложить?

Наступаю на какую-то игрушку. Ее резиновый корпус издает мерзкий писк.

Женька дергается, но глаз не открывает.

А девчонка резко подскакивает, ударом руки раскидывая по комнате в разные стороны книжку и свои очки.

Очки летят в меня.

Инстинктивно ловлю, с хрустом сжимая в ладони.

- О, Боже! - убитым голосом шепчет она.

- Пиздец, - подвожу итог.

10 глава. Косячная

Трогая рукой стену, иду вслед за Маратом Разрушителем в сторону кухни. Я готова рыдать! Вот просто рыдать сейчас!

Мало того, что я с трудом представляю, как доберусь до дома, так ещё не знаю, где я вечером другие очки себе найду? Если только в круглосуточной аптеке, куда мне всё равно как-то нужно добраться, чтобы помыть полы. Но, во-первых, как это сделать, если я ничего не вижу?? На такси, что ли? Но и на такси, и на очки нужны деньги... А денег мне этот... человек ещё не заплатил, потому что изначально оговаривалась неделя работы.

А вдруг там только дужка сломалась? О! Так я скотчем примотаю и хоть как-то перекантуюсь.

Он останавливается на середине кухни. Я от неожиданности резко торможу, практически впечатываясь носом ему в плечо. Застываю буквально в миллиметре. И... Зачем-то вытягиваю глубоко-глубоко его запах.

А пахнет Разрушитель свежо и вкусно. Одновременно морской свежестью и апельсином. А ещё немножко ванилью. И мужчиной.

Если бы у меня спросили, чем пахнет настоящий мужчина, ещё вчера я не смогла бы ответить. А сегодня я знаю! Маратом Злодеевичем он пахнет, вот! Очень по-мужски, но при этом так будоражаще и сладко...

Он начинает разворачиваться, нависая надо мной.

Немедленно отступаю назад.

Когда мне страшно, я, глупая, всегда иду в наступление!

И вот опять...

-Как вы могли? Сломали мои последние очки!

-Вообще-то ты сама их в меня швырнула! Я просто поймаю.

-А я... - блин, это правда. И возразить нечего. Я так испугалась, что он будет сейчас меня отчитывать за то, что сплю на рабочем месте, что подпрыгнула чуть ли не до потолка! Но главный наш девиз какой? Не отступать и не сдаваться! И я выдаю. - А мы на ты не переходили!

-Хм, - произносит он и вдруг резко протягивает руку, как мне кажется, к моему лицу!

Мгновенно мелькает жуткая мысль, что он мне за что-то отвесит пощёчину! Я делаю отчаянный рывок в сторону, врезаясь бедром в угол стола. В глазах буквально темнеет от боли, а ногу простреливает так, что я буквально оседаю к его ногам на пол, прижав ладони к отбитому месту и закусив губу, чтобы не заорать.

И этот человек вместо того, чтобы извиниться или хотя бы посочувствовать, швыряет мои очки на стол рядом с моей головой и уходит к холодильнику!

Бесчувственное чудовище! Злостный злодей! Хоть бы слово сказал доброе!

От боли и жалости к себе на глазах выступают слезы. И я

с силой прикусываю щеку изнутри, чтобы только не разрыдаться при нём. Во рту привкус крови.

Возвращается. Протягивает мне что-то.

Полотенце? Зачем?

-Ты совсем что ли ничего не видишь? - в голосе сомнение и лёгкий налёт сочувствия. - О, то есть мы же на вы! И, конечно, нужно так... Вы совсем ничего не видите, уважаемая? Забыл как вас там... Впрочем, имя вам будет с этого момента - Косячная. Что соответствует действительности больше, чем реальное. Это мясо из морозилки. В полотенце. Приложи... те к больному месту, чтобы уменьшить отек.

Заползаю на стул. Прикладываю прям так, через штаны. Больно.

Выходит.

Пока его нет, встаю, чуть приспускаю штанину, оттягиваю вверх трусы, пытаюсь рассмотреть масштаб трагедии.

Он входит обратно практически бесшумно. От ужаса, что предстала перед Злодеевичем практически с оголенной задницей резко отпускаю и трусы, и штаны. Резинка щелкает по больному месту, я с размаху шлепаюсь на стул, стиснув зубы, чтобы не заорать от боли.

- Да-а-а, и как ты умудрилась до своих лет дожить с таким-то анамнезом? - садится рядом, берет мои очки и начинает что-то там с ними делать.

Чтобы разглядеть, что именно, мне нужно прищуриться и наклониться к нему. И я едва сдерживаюсь, чтобы не сделать

этого!

- Это мне только в вашем присутствии не везет! А так-то я нормальная...

Ну, почти. Так подумать, конечно, особого везения в моей жизни не наблюдается. Разве что повезло, когда поступила в институт, но если бы я знала, что жить в городе будет так дорого, может быть, выбирала бы тот, в котором студентам полагается общежитие.

- Сильно сомневаюсь, - задумчиво себе под нос.

11 глава. В нашем доме всё спокойно...

Работаю.

Ну, как работаю?

Правильнее было бы сказать - пытаюсь работать.

Но ведь это невозможно просто! Невыносимо! Никакой тишины! Никакого покоя!

А ведь были времена, когда в моем большом доме я имел собственный кабинет. Были времена, когда у меня в моем большом доме убиралась горничная и всегда в идеальном порядке содержалась и одежда, и посуда, и полы... И, особенно, полы... И покушать было приготовлено вкусно и полезно. И, главное, много.

А вчера Косячная сварила мне суп. Ну, как мне? Видимо, она варила его для Женьки, судя по количеству. Но я решил, что ему все равно будет слишком много. И приложился.

Эх, раньше у меня в доме не редкостью были том ям или харчо, или, на худой конец, щи. А сейчас простой вермишелевый супчик, приготовленный женскими руками, домашний, а не заказанный в каком-нибудь кафе с доставкой, стал верхом поварского искусства.

А позавчера у меня на ужин была картошка с котлетами. Самая обычная. С самыми обычными котлетами. Я такое не

ел сто лет. С детства. Картошка была недосолена, а котлета пережарена. Но это было настолько вкусно, что я не заметил, как рука потянулась к последней!

А потом девчонка утром с укором на меня смотрела! И ведь я знаю, что она при этом думала!

"Я для ребенка приготовила! А Марат Ильясович всё съел. Как ему не стыдно!"

В спальню, где я закрылся, чтобы поработать, влетает сын. Останавливается посередине комнаты и быстро поворачивается вокруг своей оси.

- Куда, папа? Куда? - потрясая руками, громким возбужденным шепотом.

Откуда-то со стороны туалета доносится монотонно и громко голосом Косячной:

- ...до пяти, не могу до десяти... Р-раз, два-три, четыре, пять, я иду искать...

Показываю ему на кровать - тут как бы без вариантов вообще. Разве что под стол ко мне. Но тогда она его вообще никогда не найдет - не полезет же между ног к своему работодателю?

Женька пулей влетает под кровать.

- Кто не спрятался, я не виноват!

Пытаюсь смотреть в экран и отрешиться от того, что происходит рядом. Но, блять, не могу!

Нет. В том, что говорит нянька моего сына нет ни капли эротизма. Нет, я не считаю ее голос красивым, волнующим,

глубоким - или какие там голоса у женщин считаются влекущими для мужчин? И я, скорее, склонен думать, что моя проблема всего-то в длительном отсутствии женщины. Мне просто нужен секс.

- Ну, и где же ты у нас, малыш? Маленький зайчонок, - приговаривает она, обшаривая каждый уголок моей квартиры, но пока игнорируя спальню. - Та-а-а-ак, вот сейчас Оля тебя найдет, достанет... из твоей норки... и будет... щекотать...

Ряд ассоциаций "малыш-найдет-достанет-норка" - это вам вовсе не "малыш-трахни-меня-своим-большим-членом", вообще, даже рядом не стояло, но-но-но некоторым частями моего тела воспринимается почему-то именно так. И я почти успеваю порадоваться тому, что все-таки не усадил ребенка под стол, как она оказывается на пороге спальни.

Встречаемся взглядами.

Всячески показываю ей, что они мне мешают - киваю на экран компьютера, потом на кучу бумаг на краю стола, потом зажимаюсь и трясусь обеими руками, закатив глаза.

Потом смотрю на нее, мысленно посылая вопрос: "Ну, поняла, что вы мне мешаете?"

Она кивает на кровать.

Что?

В смысле?

Это предложение?

О, эти бабы! Да все, как одна, только и думают, как зата-

щитъ мужика въ постель, если такой шанс представляется, забыв напрочь про ребенка, про...

Указательным пальцем показываетъ под кровать, вопросительно глядя на меня.

А...

Тяжело вздохнув, положительно киваю головой.

Она делаетъ кругъ почета по комнатѣ, заглядывая за шторы, въ шкаф, и даже издалека ко мнѣ под стол. И "не находя" ребенка. Потомъ заговорщицкимъ шепотомъ:

- Кажется, я знаю, гдѣ он!

Тихонько поднимаетъ край длиннаго покрывала и, резко упавъ на колени, задницей ко мнѣ, заглядываетъ под кровать.

Изумленно качаю головой. Ну, так топорно меня никогда не соблазняли. Топорно, неэстетично, некрасиво, неэротично, но видъ приподнятой круглой попки, обтянутой потертыми старыми джинсами, въ метре отъ моихъ ногъ, такъ призывно выпяченной.... И этой тугой русой косы, длинной, въ руку толщиною, въ которую заплетены ея волосы... Это всё невольно вызываетъ ассоциации очень и очень яркіе и горячіе. Она голая вотъ въ такой же позѣ передо мной. Мой членъ, упершійся въ розовыя мокрыя губки, коса, намотанная на руку.

Я краемъ уха слышу, какъ отъ восторга пищитъ сынъ, выбираясь изъ-подъ кровати, я вижу, не понимая, что происходитъ, какъ девчонка отряхиваетъ его одежду отъ пыли. Я все еще въ своихъ фантазіяхъ. Распален. Заведен. Невменяемъ.

Женька убегаетъ. Видимо, чтобы водить.

А Косячная поворачивается ко мне. И, уперев в бока руки, говорит:

-Разве можно в таком бардаке ребенку жить? Под вашей кроватью, между прочим, метровый слой пыли!

12 глава. Невезение

Марат Злодеевич как-то странно на меня смотрит всё время.

Ну, то есть к его обычному презрению и подозрительной недоверчивости добавилось еще что-то во взгляде. Как если бы он глазел на диковинное насекомое и раздумывал - кто это, сколопендра мохноногая или червь двурогий прямоходячий.

И куда бы я ни пошла, чем бы ни занялась в его квартире - готовлю ли еду, играю ли с Женей - повсюду за мной следит его придирчивый взгляд! И это, надо признаться, сильно напрягает.

В ванной, сняв очки и практически уткнувшись носом в свое отражение в зеркале, придирчиво осматриваю себя саму. Ну-у-у, не красавица, конечно, но и не сколопендра же! Мне бы подкраситься немного! Ну, хотя бы брови чуть подрисовать, а то они совсем светлые, почти невидимые, да ресницы выделить, а то я бледная какая-то.

И вот именно сейчас, в эту минуту, мне безумно хочется, чтобы у меня вдруг здесь оказалась моя тощенькая косметичка, и я смогла...

Что, Оль? Навести красоту ради Злодея Маратовича? Что-бы он понял... А что, собственно, он должен понять? Что я не такая уж и уродина? Что не нужно на меня смотреть так,

словно ничего более непривлекательного не видел в своей жизни?

Или чтобы ему понравиться?

Вот она истина, да?

Тебе безумно хочется ему нравится потому, что он тебе нравится... Да что там "нравится"... Это слово не описывает того, что я к нему чувствую.

Он так невыносимо красив, что я теряю дар речи, оказываясь в одном пространстве!

Ну, вот почему-почему-почему он не уехал на работу? Зачем сидит здесь, с нами, заставляя меня забывать не только про ребенка, а даже свое собственное имя!

Тяжело вздыхаю, водружая на место очки с дужкой, перемотанной Злодеевичем синей изолетной.

И в эту секунду раздаётся громкий крик ребенка!

На крик Женечки я бросаюсь из ванной со всех ног. Боже, вдруг он решил что-то там сам сделать на кухне и взял нож, или полез к плите! В ужасе бегу так, что на повороте теряю тапок с ноги! От неожиданности вторым тапком цепляюсь за край круглого ворсистого ковра в холле и, выставив вперед руки лечу плашмя на пол.

Удар головой об угол комода. А дальше темнота...

...- Пап, Лёля жива? - доносится испуганный Женькин голос издалека, словно сквозь слой ваты.

- Сейчас проверим, - обеспокоенный голос Марата Злодеевича внушает трепет - слишком близко, слишком... про

меня.

Пытаюсь разлепить веки, но сознание уплывает-уплывает, грозя снова погрузить меня во тьму.

- Эй-эй, малыш, - шепчет Злодеевич. - Давай, давай, возвращайся к нам.

Малыш? Это он мне? Или с Женькой разговаривает?

- Жень, сбегай, водички принеси, - командует сыну.

Да, с сыном он всегда ласков. И даже по тону, даже по голосу, видно, что очень-очень любит. А вот со мной... Вечно недоволен, вечно в чем-то подозревает. Не удивлюсь, если узнаю, что вся квартира камерами утыкана, чтобы за мной в свое отсутствие следить!

Вот почему так? Почему меня никто не любит? Почему я никому-никому не нужна, ну, кроме, моей Дочки, конечно. Даже мама звонит раз в месяц...

Я не чувствую, как из-под век начинают течь слезы. Но вот пальцы Злодеевича на своих щеках вдруг ощущаю очень и очень четко.

- Оля, что такое? Тебе больно? Где больно? - ощупав голову, осторожно трогает руки, ноги, касается бедер. И я пытаюсь отстраниться, не позволить... Но у него такие пальцы волшебные - сильные и одновременно нежные, что я уже намеренно не открываю глаз. Пусть, пусть гладит меня. Мне приятно. - Я скорую вызвал.

Скорую? О, Боже, нет!

Распахиваю глаза и резко сажусь, врежаясь лбом в его лоб.

В глазах снова темнеет. Но сознание не теряю. Зажимаю ладонью пострадавшее место.

- Ох, елки! - стонет Мельников, делая то же самое.

- О, простите, Марат Злодее... э-э-э, - как там его, блин, по отчеству? От удара, видимо, напрочь вылетает из головы.

- Продолжай, - поощрительно кивает он.

И, может быть, мне, конечно, кажется. Может быть... Но на мгновение где-то в глубине его потрясающих голубых глаз мелькает улыбка.

13 глава. А девочка не так проста

"Злодеевич" значит? Ну, в фантазии девчонке не отказать, конечно.

Но хм... Злодеевич! Я всего-то был требователен и держал дистанцию - нормальное поведение любого работодателя. Да и в конце-то концов, я никому ничем не обязан, и уж тем более, не обязан быть добреньким...

- Я пойду? - робко спрашивает Косячная, неожиданно появившись на пороге спальни. - Женечка уснул.

- Я отвезу тебя, - сохраняю проект, который все еще где-то там, на первом этапе разработки - всю ночь еще сидеть! Но и ее, хоть и отказавшуюся ехать в больницу, но явно же получившую сотрясение в момент своего фееричного падения, не могу отправить пешком домой поздним вечером в метель! Не дай Бог свалится где-нибудь по дороге и замерзнет.

- Я сама, - слышу закономерный ответ.

Терпеть не могу бессмысленных, нелогичных возражений!

- Сказал "отвезу", значит, отвезу.

- А можно вопрос? - кивает на экран компа.

Сейчас спросит, где я работаю и сколько зарабатываю.

Ну, было бы логично это спросить.

- Валяй, - встаю из-за стола.

- А у вас там какой-то дизайнерский проект, да?

- Ну...

Раздражает, когда люди лезут не в свое дело, особенно, когда их туда не приглашают. Но сам разрешил же спросить!

- А можно посмотреть?

Эт-то уже интересно. Зачем? Что ты там можешь увидеть, девочка?

Но... В принципе, не счет же в банке попросила посмотреть.

- Посмотри.

В наглуую плюхается в мое кресло и листает слайды. Внимательно и подолгу рассматривает каждый.

Сложив руки на груди и прислонившись плечом к стене, наблюдаю за этим представлением.

Ну, и к чему такие потуги?

Есть у меня парочка вариантов.

Первый. Которому меня долго и упорно учила жизнь. Девочка меня соблазняет. Да, таким вот топорным способом. Ведь нет более рабочей схемы, чем показать, что тебе интересно то, чем занимается объект. А если еще и показать мало-мальские навыки или хотя бы понимание сути вопроса, то, как считает любая баба, мужик уже практически у тебя в кармане, или там... в постели...

Но тут неувязочка. Тогда было бы логичнее начать со своего внешнего вида. И заявиться ко мне сюда в чем-то более соблазнительном. Грудь подчеркнуть, например. Кстати! А есть ли у этой замарашки грудь?

Э, нет, Мельников! Это совершенно тебя не касается! И ты ни за что...

Но, вопреки своим правильным мыслям, я делаю шаг к ней и заглядываю через плечо.

Рубашка у нее застегнута где-то там, внизу, на животе. А в вырезе сверху виднеется черный спортивный топик. А в топике - беленькие такие аккуратненькие... намеки на грудки. Но...

- Вообще не понимаю, на какую ЦА нацелен ваш бар. Ведь это же бар, я верно поняла?

Киваю. "ЦА" - это что еще такое?

- Я так понимаю, что посещать его будут молодые люди? С целью выпить? Вечерком? Или все-таки целевая аудитория люди постарше, типа, вас? Ну, такие респектабельные мужчины...

- Старички, типа меня?

- Ой, я не хотела вас задеть! - оборачивается, умоляюще глядя через верх очков.

- Тебе это и не удалось. Я так, к слову. Ну, допустим, я рассчитывал на более молодое, чем я, поколение...

- О, тогда нужно переделывать полностью. Понимаете, если бар рассчитан на престижную публику, то здесь стоит ориентироваться на классику: дорогая деревянная мебель, зеркала, стекло, кожа, красивые обои под старину и так далее. Молодежные заведения лучше оформлять в урбанистическом стиле или хай-тек. Можно сделать, например, паб... -

она откидывается в моем кресле, как в своем, расслабляется и, изобразив на лице мечтательное выражение, начинает вещать неторопливо и с расстановкой. - Барная стойка, столы и стулья из прочного и грубого дерева, к примеру, из дуба. Половина стены тоже оббита деревом, а другая половина окрашена или оклеена обоями. Все оформлять лучше в коричневых цветах – практично и привлекательно. Полки под алкогольную продукцию делать из стекла или дерева. Освещение немного приглушенное, теплое. Желтое. Все стены увешаны картинами, рисунками и прочими декоративными вставками, которые бы освещали жизнь самого паба, его историю и концепцию. Например, если это футбольный паб с символикой разных футбольных команд или там в морском стиле - тут вообще, можно пофантазировать и сделать что-то типа корабля - штурвал, мачты, занавески на окнах - такими волнами, как паруса.... Если же это бар, как у вас, то...

Звучало неожиданно привлекательно.

И да, мне бы хотелось сделать какую-то фишку, чтобы у моего бара было "лицо", нечто узнаваемое, что будет только у меня и ни у кого больше. Но только не корабль!

- А что-то более...

- Более простое и стильное? - ловит с лету она мою мысль.

- Да.

- А давайте я вам завтра утром принесу, а? У меня дома есть некоторые... хм... идеи. Курсовой проект. Там всё просто и стильно. Именно бар для молодежи. И... у меня дома

даже есть разработка... Ну с макетами там, со слайдами. И смета просчитана. Правда, смета прошлого года, но все же.

Открыв рот, слушаю ее.

Боженька сжалился надо мной и послал в виде няньки крутого дизайнера? Или что?

А девчонка-то не так проста, как кажется...

14 глава. В ожидании треша

- Оля, ты не ложишься еще, что ли? - сонная Вера выходит на кухню, кутаясь в огромный махровый халат.

С ужасом смотрю на часы. Пять часов утра уже! А мне к половине восьмого! Если и лечь поспать, то всего только на часок.

- Я так увлеклась, что не следила за временем, - с сожалением захлопываю старенький, купленный с рук ноутбук. - Пойду часок подремлю перед работой.

- А что ты там всю ночь делала? Зачеты же только после Нового года начнутся...

- Разрабатывала концепцию молодежного бара для Мельникова, - падая вниз лицом на раскладной диван, служивший нам с Верой постелью, отвечаю я. Дочка тут же сползает с моей подушки и, мурлыча, устраивается под боком. Прижимаю к себе пушистое тепленькое тельце, с облегчением выдыхая. Ох, целый час сна впереди!

- Для этого злодея и хама? - возмущенная Вера заглядывает в комнату. - Он тебе даже еще за работу не заплатил!

И мне почему-то вдруг захотелось защитить Злодеевича! Это, конечно, был удивительный факт. Ведь я его сама периодически мысленно как только не обзываю. Но есть один маленький нюанс. Когда его обзываю и ругаю я, это звучит (пусть и мысленно), но вполне оправданно. А вот в Вериных

устах - обидно и несправедливо.

И мне хочется сказать, что он не виноват, что мы так договорились изначально, что за работу мне будет переведена сумма в конце недели, что он обязательно заплатит, но как только мои глаза закрываются, я тут же мгновенно засыпаю.

А просыпаюсь я по ощущениями минут через пять в тот момент, когда начинает звонить будильник. Веры уже в квартире нет, а значит, и Злодеевича защищать становится не перед кем.

Наскоро собравшись, сонная и уставшая, словно и не спала абсолютно, чуть не забыв флешку с проектом, я бегу на работу.

Злодеевич уже ждет на пороге.

- Я опоздала? - ужасаюсь я вместо приветствия, не сумев даже сразу найти в кармане свой старенький телефон, чтобы посмотреть время.

- Нет, - вместо приветствия хмуро бросает он. - Просто я очень спешу.

- Вот, - протягиваю ему флешку.

Мы замираем друг против друга в узком пространстве маленького коридорчика. Он так близко, что я даже черные крапинки на голубой радужке красивых глаз вижу! Задохнувшись от такой близости, шарахаюсь почему-то к двери, потом в противоположном направлении, сбивая стоящий у полки с обувью его кожаный портфель для документов.

- Стоп! - ловит за локоть, удерживая от явно намечающе-

гося падения. Отбирает из моей руки флешку. А я, как замороженная смотрю на то, как длинные красивые пальцы касаются моей руки. Эх, если бы сейчас на моих ногтях был модный маникюр, а на пальцах какие-нибудь стильные колечки... Но, к сожалению, моя ничем не примечательная рука, прямо скажем, бледненько смотрится на фоне его великолепной... - Я на работе посмотрю, ладно?

- Ладно, - соглашаюсь, понимая, что вопрос ко мне был просто риторическим, и раз уж он все равно уходит, то разуваться и смотреть проект вместе со мной, сейчас не станет, даже если я заупряплюсь.

О том, что на флешке есть еще и другие папки, я вспоминаю намного позже.

Да, конечно, рефераты, курсовики, скачанные к сессии книги и разные там папки с фотками интерьеров разных помещений и дизайн-проектами - это цветочки, это мне не жалко... А вот одна папочка с фотками... О, нет! Хотя ведь ему даже в голову не придет смотреть эти фотки! Ну, в самом деле, зачем ему открывать другие папки, если...

Ёлки! Я же забыла переименовать папку с проектом, и она так и осталась названа "Проект для Марата Злодеевича"!

Боже мой...

Стыд-то какой!

Обхватываю обеими руками голову, упираюсь локтями в стол и раскачиваюсь так долго-долго, пока в кухню не приходит Женька.

- Лёля, почему ты грустная? - мальчишка заглядывает мне в лицо сбоку. - Твоя Дочка заболела?

- Нет, я не грустная, что ты! - пытаюсь изобразить безумную радость, но он смотрит с подозрением, значит, удастся мне это плохо.

- Так! - кладу ему на лоб ладонь, якобы проверяя температуру, хоть и знаю уже, что со вчерашнего дня ему стало намного лучше. - Ты уже почти выздоровел, поэтому полчаса на свежем воздухе не повредит. Собираемся и идем на площадку!

Но до самого вечера, в ожидании прихода Мельникова, я живу, как на иголках. Я знаю, что вечером непременно будет треш.

И когда Марат Зл... тфу ты! Так, забыла эту кликуху! Выбросила из головы и чтобы больше никогда... И когда Марат Ильясович появляется на пороге, с первого взгляда понимаю, что треша ждала не зря...

15 глава. Неожиданность

Всё время до встречи с Серёгиным держу в уме, что нужно бы заранее посмотреть то, что мне там, на флешке, принесла девчонка. Но с утра в баре творится такой треш, что мне элементарно не до проекта!

Кто-то настучал в санэпидемстанцию, и целая команда женщин в белых халатах с чемоданчиками наперевес заходят утром в здание практически вместе со мной - видимо, чтобы застать врасплох. Ношусь с ними лично, проверяя хранение продуктов, сроки годности, качество воды и много-много чего ещё.

Начальница "бригады" эпидимиологов, толстая наглая баба, каждый малейший минус мгновенно переводит в сумму штрафа.

- За нарушение правил маркировки, - машет перед моим лицом пакетом с курицей. - Штраф для ИП до 12 тысяч рублей полагается.

- Да, где тут неправильная? - психует мой шеф-повар Артём.

- Исправим, МарьВанна, - подобострастно улыбаюсь я так, что от натуги щеки болят. - Прямо вот сейчас всё исправим!

- Исправьте, - смягчается она, вручая мне курицу.

- Тааак, переходим для осмотра в технические помещения! Девочки, - две "девочки" размерами едва ли меньше

своей начальницы с трудом поднимаются из-за кухонного стола, на котором строчили какие-то свои бумажки. - Вы проверяете туалеты, а я подсобное помещение...

К обеду, когда они уходят, насчитав штрафа тысяч на тридцать, что еще по-божески для них, я едва успеваю на ходу выпить чашку кофе, как является Серёгин.

Идём вместе в мой кабинет.

-Пообедаешь у нас?

-Марат, я спешу очень. На минуту заехал к тебе, а так в банк по делам нужно.

Мне тоже очень бы хотелось, чтобы он побыстрее посмотрел и свалил, но пока включаю комп и вставляю флешку подкатывает тревога - что если моя Косячная там наворотила бреда? Она могла, это в её стиле. На словах было красиво, а по итогу что там получится у нее, хрен знает.

На автомате открываю самую верхнюю папку.

-Вау! - восхищённо стонет где-то сбоку Серёгин.

Но я его слышу так, словно он не рядом, а в соседней комнате - глухо и издалека.

Я в шоке!

В папке фотки. Много-много фоток. На них вроде бы Косячная, а вроде и не она. Явно съёмка профессиональная - свет, обстановка, позы.

Щелкаю первую, открывая на весь экран.

Роскошная какая!

Портрет. Лицо близко-близко. Волосы распущены, волна-

ми обрамляют с обеих сторон. Без уродливых очков. Глаза такие уязвимые, незащитные, как тогда, когда я её очки раздавил, только ресницы чуть подкрашены. На носу веснушки. Губы пухлые яркие. Помада чуть смазалась слева. Как будто её только что целовали. Как так-то? Вроде бы такая, как я ее знаю, но в то же время абсолютно, совершенно другая! Красивая.

Залипаю на этих губах, забыв напрочь о Серегине.

-Бляяять, - восхищённо тянет он. - Кто это, Маратик? Познакомь. Красивая, просто пиздец!

И мне почему-то хочется закрыть, не показывать ему, но это ж будет ревниво и по-детски выглядеть, да? И я листаю на следующую. И охреневаю.

Она вполоборота сидит на стуле. По пояс обнажена. По спине до самой задницы волосы. А спина там такая, что просто слов нет - произведение искусства! Рукой прикрывает грудь. Но всё равно чуть видно полушарие. А там, Мельников, всё нормально с размером, оказывается! Голова чуть повёрнута в бок. На губах такая хитренькая провокационная улыбочка, как будто бы она отлично понимает, насколько красива.

Залипаю, не в силах оторвать глаз от экрана. От осознания того, что эта девочка сейчас у меня дома находится, тело подбирается, напрягается, мышцы подрагивают.

Что за маскарад такой? Зачем она притворяется дурнушкой с такими данными? Что за херня?

-Листай ещё! - не выдерживает Серёгин.

Ага, щас! Закрываю от греха папку. Мало ли, может, там она совсем голая дальше! И нет, естественно, я не ханжа, и, само собой, посмотрю все фотки до единой. Но вот Серегину показать не могу, не хочу! Моя добыча.

-Твоя, что ли? - разочарованно спрашивает Серёгин.

Пожимаю плечами. Не моя, конечно. Но... Хер знает, почему, мне так ревниво ему её показывать! Просто глупость какая-то!

-Так. Давай проект смотреть. А то ты ж в банк опоздаешь.

-Банк, точно... - сдувается он.

Вторая папка с названием "Проект бара" поражает меня почти так же, как и первая. Там всё очень... стильно, профессионально, ярко. Металл, стекло, стены под кирпич, стойка - темное дерево, повсюду светильники по типу старинных железнодорожных фонарей. Вслед за картинками - подробное описание, а дальше - расчеты и сметы.

Забыв второй раз про Серегина, вчитываюсь в описание. Цены на материалы - вполне себе, не самое дорогое всё!

- Слушай, ну, неплохо, неплохо, - бормочет Серегин. - Вижу, что ты серьезно подошел к вопросу. В такое я вложусь прям вот с радостью. И в банк как раз по твоему вопросу еду.

Выдыхаю.

Провожая до самого выхода из бара, как дорогого гостя. Пересиливая себя, "облизываю".

Потом, чуть ли не бегом, возвращаюсь в кабинет, игнори-

руя вопросы Марго.

И да, конечно, я собираюсь очень подробно изучить проект! Естественно!

Но... зачем-то открываю сначала папку с фотками.

16 глава. Разборки

Злодеевич возвращается раньше, чем обычно и какой-то... пришибленный, что ли. С порога смотрит долгим хмурым взглядом так, словно видит впервые.

И я не решаюсь сразу спросить, что там с проектом. Делаю вид, что очень увлечена собиранием пазлов с Женей, но сама каким-то шестым чувством все время сканирую перемещения по квартире его отца.

Ну, скажешь ты мне, наконец, что там с моим проектом или так и будешь тянуть резину!!!

- Лёля, не туда, не лезет!

Растерянно смотрю на то, как сама же пытаюсь запихнуть в совершенно неподходящее место кусочек пазла. Да, блин! Я так от волнения умру скоро! И, в конце концов, я ночь не спала! Я целый день переживала! И, может быть, для кого-то это так - мелочи, а я всю душу вложила и очень старалась! Практически полностью свой курсовой проект переделала, пытаюсь сделать так, чтобы под хозяина было, чтобы будущий бар вызывал ассоциацию с Маратом, был на него похож! А он слова доброго мне сказать не желает!

- И почему это вы молчите? - не выдерживаю и врываюсь вслед за ним на кухню.

Не оборачиваясь, неторопливо ставит в дверцу холодильника бутылку с молоком.

- А что я должен сказать? - медленно поворачивается, упирается задницей в столешницу и делает глоток молока. Над верхней губой остается белый след.

Любой другой человек с такими усами выглядел бы по меньшей мере смешно, но не он! Он выглядит... эротично. Как эти все модели-красавчики, которых по телеку показывают во время съемки, где их водой обливают! Видимо, заметив направление моего взгляда, вытирает губы тыльной стороной ладони.

- Ты что-то хотела? - так, словно ничего мне не должен! А он, вообще-то, должен и немало! По меньшей мере, спасибо за то, что я старалась для него!

- Хотела. Да. Узнать, что там с моим проектом? Понравился или нет? Подошел? Как расчеты? Я старалась, вообще-то! И переживаю! А вы... - голос от обиды противно дрожит. - А вы... могли бы хотя бы спасибо сказать!

- Я заплачу за проект. По рыночным расценкам.

- Я не об этом! Нет, - мне тут же становится стыдно, потому что я вовсе не для того сейчас говорю, чтобы выбить из него деньги! - Не надо мне ваших денег!

- Не надо? А что тогда надо? - усмехается он. - С какой целью ты вообще в мой дом проникла? Напаялила эти очки дурацкие...

Неожиданно шагает в мою сторону, и за дужку сдергивает мои перемотанные изолентой очки с лица.

- Что вы себе позволяете! - безуспешно пытаюсь отобрать,

но он просто поднимает их вверх над своей головой и из-за большой разницы в росте я просто, как та обезьянка, прыгаю - прыгаю, а достать не могу! - Отдайте немедленно!

От того, что без очков почти ничего не вижу, не успеваю среагировать на его резкое движение. Он как-то быстро разворачивается и, схватив за руку, разворачивает меня. И мы меняемся местами. Теперь я стою спиной к столу. Столешница больно давит в поясницу. Его руки по обе стороны вжаты кулаками в поверхность стола. Наклоняется, вглядываясь в глаза.

Это очень-очень близко. Задыхаюсь, теряя дар речи. Из связанных мыслей в голове только одна крутится и та, глупая, о том, какой же он безумно красивый. Хотя нет, есть еще одна дебильная, что пахнет он просто, как секс ходячий... Как будто я знаю, как этот секс пахнет...

Моргаю, как бессловесная кукла, жадно рассматривая его лицо. Вблизи я и без очков вижу... А оно очень близко. Словно он тоже видит плохо и вот приблизился, чтобы рассмотреть.

- Я фотки твои видел, - выдает он.

Те самые? На флешке? О, Боже! Стыд-то какой!

У нас есть отделение в институте "Фото- и видеосъемка". Ну, и мы все у ребят моделями работаем время от времени. Нам даже за это немного платят. Просто та съемка была слишком откровенной. Нет, я там не светила прелестями, если что! Но на нескольких фотографиях грудь немного видна,

спина голая, живот, ноги до самых трусов. Но всё в рамках приличий!

- А вам говорили, что лазить по чужим папкам некрасиво?

- Мне интересно, зачем ты себя уродуешь, м? - игнорируя мой вопрос, поднимает моё лицо пальцами за подбородок.
- Ты ж на самом деле симпатичнее. И могла бы выглядеть... нормально. А ходишь вся зализанная, ненакрашенная, в очках этих жутких, в одежде уродской.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.